

Сказка Астрид Линдгрен

" Мио, мой Мио! "

Заколдованные птицы

Может, я никогда больше не увижу яблонь в цвету, не услышу шелеста зеленых деревьев и шелковистых трав. Потому что мы едем в страну, где нет цветов, где не растут ни деревья, ни травы.

Мы скачем в ночи. Все вперед и вперед. Освещенный светом луны приветливый лес остался далеко позади. Впереди сгущается мрак. Свет луны меркнет, земля становится сухой и каменной, вокруг отвесной стеной вздымаются голые скалы. Они надвигаются все ближе и ближе. И вот мы уже скачем меж высоких черных стен по тесной глухой тропинке на самом дне ущелья.

– Была бы тропинка не так глуха, – сказал Юм–Юм, – горы не так черны, а мы не так малы и беззащитны!

Тропинка змеилась и извивалась; казалось, тысяча опасностей подстерегает нас за каждым поворотом. Видно, Мирамис тоже чувствовала это. Она дрожала всем телом и хотела повернуть назад. Но я крепко держал поводья. Тропинка становилась все уже, черные скалы по сторонам все выше. Мрак сгущался, и вот мы подъехали к какому–то подобию ворот. То была тесная расщелина между скал. А там, за расщелиной, клубился ночной мрак, мрак, чернее которого нет ничего в целом мире.

– Страна Чужедальняя, – прошептал Юм–Юм. – Это ворота в Страну Чужедальнюю.

Мирамис яростно сопротивлялась. Она вставала на дыбы и дико ржала. Только эти ужасные звуки нарушали тишину. Во мраке за воротами царило гробовое молчание. Глухой мрак словно подстерегал нас – казалось, он поглотит нас, как только мы окажемся по ту сторону ворот.

Я знал, что мне предстоит окунуться в этот мрак. И все–таки я больше не боялся.

Теперь, когда я знал, что уже много–много тысяч лет назад мне на роду было написано пройти сквозь эти мрачные ворота, я почувствовал себя смелее. Я подумал: "Будь что будет, пусть я даже никогда не вернусь обратно, все равно бояться я больше не стану".

Я погнал Мирамис во мрак. Когда лошадь поняла, что я вовсе не собираюсь поворачивать назад, она с быстротой молнии проскочила сквозь тесную расщелину и понеслась дальше по мрачным дорогам Страны Чужедальней. Мы мчались в ночи, вокруг нас стояла черная мгла, и я не видел дороги.

Но со мной был Юм–Юм. Он сидел за моей спиной, изо всех сил держась за меня, и я любил его как никогда. Я не был одинок, меня сопровождал друг, мой единственный друг! Почти все, что было предсказано, сбывалось.

Не знаю, сколько времени мы мчались во мраке. Быть может, одно мгновение, быть может, долгие–долгие часы. А может, много–много тысяч лет! Во всяком случае, нам так казалось. Скачка наша напоминала дурной тяжелый сон, от которого пробуждаешься с безумным криком и, лежа в постели, еще долго испытываешь страх. Но от нашего сна пробуждения не было. Мы скакали и скакали, не зная куда, не зная, сколько времени мы скачем. Мы просто скакали в ночи.

И вдруг Мирамис остановилась. Мы подъехали к озеру. Ни один самый страшный сон не сравнится с этим озером. Иной раз мне снятся глубокие черные воды, которые разверзаются предо мной. Но ни мне, ни другим людям, ни одному человеку в мире никогда и не снились такие черные воды, какие открылись моим глазам. То были самые угрюмые, самые страшные воды на свете. Озеро замыкали черные утесы. И птицы, несметное множество птиц кружило над мрачными водами. В темноте их не было видно, только слышались их крики. И печальнее этих криков мне слышать ничего не доводилось. О, как я жалел этих птиц! Казалось, будто они зовут на помощь, будто они в отчаянии плачут.

На другом берегу озера на самой высокой скале стоял высокий черный замок. Там светилось одно–единственное окошко. Оно, это окошко, светилось, словно злое человеческое око, жестокое и ужасное око, подстерегавшее нас в ночи и желавшее нам зла.

– Замок рыцаря Като, – прошептал Юм–Юм.

Мирамис задрожала.

Замок рыцаря Като! Там, по другую сторону черных вод, был мой враг, тот, с кем мне предстояло сразиться. Злое око над озером пугало меня, хотя я твердо решил больше не бояться. Оно пугало меня и словно предостерегало: тебе ли, малышу, победить такого грозного и опасного рыцаря, как Като.

– Тебе понадобится меч! – сказал Юм–Юм. Только он произнес эти слова, как вблизи послышался чей–то стон.

– Ох... ох... ох! – стонал кто–то. – Я умираю с голоду, ох... ох... ох!

Я понимал, что идти на голос опасно. Нас могут заманить в ловушку. Но все равно: кто бы ни был этот человек, надо во что бы то ни стало отыскать его и узнать, может, и вправду ему нужна наша помощь.

– Я пойду с тобой! – отозвался на мои мысли Юм–Юм.

– А ты, Мирамис, останешься здесь! – потрепав лошадь по холке, приказал я. Мирамис тревожно заржала.

– Не бойся! – успокоил я. – Мы скоро вернемся.

– Ох... ох... ох! – послышалось снова. – Умираю с голоду, ох... ох... ох!

Ощупью, спотыкаясь и падая в темноте, пробирались мы в ту сторону, откуда доносились стоны. И наконец наткнулись на дряхлую лачугу. Это была такая развалюха, что, не подпирай ее скала, лачуга давным–давно бы рухнула. Слабо светилось окошко.

Мы подкрались и тихонько заглянули в дом. Там сидел дряхлый старик, тощий, жалкий, сгорбленный старик с всклокоченной седой головой. В очаге едва теплился огонь, а старик, сидя у очага, раскачивался из стороны в сторону и стонал:

– Ох... ох... ох! Умираю с голоду, ох... ох... ох!

Мы вошли. Старик сразу умолк, вытаращив на нас глаза. Мы стояли у двери, а он таращил глаза, будто никогда не видел таких, как мы. Потом, словно испугавшись, закрыл лицо своими высохшими, дряхлыми руками.

– Не обижайте меня! – прошептал он. – Не обижайте меня!

– Мы и не думаем обижать тебя, – сказал я. – Мы услышали, что ты хочешь есть. Мы пришли накормить тебя.

Разломив каравай хлеба, что дала нам ткачиха, я протянул кусок старику. Он все так же таращил на меня глаза. Я поднес хлеб еще ближе, но старик только испуганно глядел на меня.

– Бери, – сказал я. – Не бойся!

– Осторожно протянув руки, он взял хлеб. Он взял его обеими руками, он мял его меж ладонями, он поднес хлеб к носу и понюхал его. И вдруг заплакал.

– Хлебушко, – прошептал он. – Хлебушко наш насущный!

И стал есть хлеб. Никогда не доводилось мне видеть, чтобы кто–нибудь так жадно ел. Он все ел и ел. А когда доел последнюю корку, стал подбирать крошки с колен. И только подобрав все до последней крошки, снова взглянул на нас.

– Откуда вы? Откуда такой хлеб? Заклинаю вас всеми моими черными голодными днями – скажите: откуда вы?

– Мы из Страны Дальней. И хлеб оттуда.

– Зачем вы пришли сюда? – прошептал старик.

– Сразиться с рыцарем Като! – вымолвил я.

Только я это сказал, старик вскрикнул и свалился с лавки. Словно маленький серый клубок, покатился он по полу, а потом подполз к нам.

– Ступайте прочь! Уходите! Уходите, откуда пришли! – шептал он. – Уходите, пока не поздно!

– Не уйду! – сказал я. – Я пришел сразиться с рыцарем Като.

Громко и отчетливо, как только мог, произнес я имя рыцаря Като. Онемев от страха, старик смотрел на меня, словно ожидал, что я вот–вот паду мертвым.

– Тсс–тсс! – прошептал он. – Тише! Тебя могут услыхать стражники. Может, они уже подслушивают.

Тихонько проковыляв к двери, он боязливо прислушался.

– Ничего не слыжать! – сказал он. – Но все равно они могут быть там! Здесь и там, повсюду! Стражники – по... повсюду!

– Стражники рыцаря Като? – спросил я.

– Замолчи, мальчик! – прошептал старик. – Тебе, видно, надоела твоя молодая жизнь!

Усевшись на лавку, он покачал головой.

– Да, да! – едва слышно сказал старик. – Его стражники повсюду. Утром, вечером и ночью. Всегда и повсюду.

Протянув руку, он взял мою ладонь в свою.

– Заклинаю всеми моими черными голодными днями, – прошептал старик, – не верь никому! Ты войдешь в какой–нибудь дом... тебе покажется, что ты – среди друзей. Не верь: ты – среди врагов. Они изменят тебе. Они вероломно предадут тебя. Не верь никому, говорю тебе! Не верь мне! Откуда тебе знать – вдруг, не успеешь ты переступить порог, я натравлю на тебя стражников.

– Ты этого не сделаешь, – сказал я.

– Никто не может быть в этом уверен, – прошептал старик. – Никогда никто не может быть в этом уверен.

Он помолчал в раздумье.

– Нет, я не натравлю на тебя стражников! – сказал он. – Не все в этой стране предают. А есть и такие, что куют оружие.

– Нам нужно оружие! – сказал Юм–Юм. – Мио нужен меч.

Старик не ответил.

Подойдя к окошку, он распахнул его. С озера донеслись горестные крики птиц. Казалось, будто они плачут где–то там, в ночном мраке.

– Слышишь? – спросил меня старик. – Слышишь, как они оплакивают свою судьбу? Хочешь тоже стать птицей и кружить над озером, оплакивая свою судьбу?

– Что это за птицы? – спросил я.

– Заколдованные птицы! – прошептал старик. – Ты сам догадаешься, кто их заколдовал. Видишь теперь, что ожидает того, кто решил сразиться с рыцарем Като.

Ну и опечалился же я, когда он так сказал. Птицы! Ведь это, значит, братья нашего друга Нонно, сестры мальчика Йри, маленькая дочка ткачихи и многие–многие другие. Всех их похитил и заколдовал рыцарь Като. О, я сражусь с ним! Я должен это сделать!

– Мио нужен меч! – повторил Юм–Юм. – Нельзя сражаться без меча.

– Ты сказал, здесь есть такие, что куют оружие, – напомнил я старику.

Он взглянул на меня почти сердито.

– Видать, ты не боишься за свою молодую жизнь, – сказал он.

– Где найти тех, что куют оружие? – повторил я.

– Тише! – сказал старик и быстро затворил окошко. – Тише, а не то стражники услышат!

Подкравшись на цыпочках к двери и приложив ухо к замочной скважине, он прислушался.

– Ничего не слыжать! – сказал он. – Но все равно они могут быть там. Стражники повсюду.

Наклонившись ко мне, он зашептал прямо в ухо:

– Пойдешь к Кователю Мечей и передашь привет от Эно. Скажешь, что тебе нужен меч, рассекающий камень. Скажешь: ты – рыцарь из Страны Дальней.

Он долго смотрел на меня.

– Сдается мне, это ты и есть, – сказал он. – Разве не так?

– Да, это так! – ответил за меня Юм–Юм. – Он рыцарь и принц. Принц Мио из Страны Дальней. И ему нужен меч.

– Где найти Кователя Мечей? – спросил я.

– В самой глубокой пещере самой черной на свете горы, – сказал старик. – Ступай Мертвым Лесом! Ступай!

Подойдя к окошку, он снова отворил его. И опять с озера донеслись крики птиц в ночи.

– Ступай, принц Мио! – сказал старик. – Желаю тебе удачи! Ох, неужто завтра ночью я услышу, как новая птица, кружа над озером, оплакивает свою судьбу?..

[Назад](#) << >> [Дальше](#)